

С того дня Е Хуай вставал еще до зари и не смел перевести дух даже после заката. На месте, где он изо дня в день упражнялся, земля под его ногами промялась, сохранив отчетливые следы подошв.

Однако юноша не позволял себе слабости. Всякий раз, когда силы оставляли его и он едва мог поднять костяной меч, ему стоило лишь обернуться.

Под бледным ли светом редких звезд или под палящим полуденным солнцем — неподалеку всегда виднелся знакомый алый силуэт.

«Наверное, только ради этого алого силуэта я и держу в руках меч», — думал Е Хуай.

И наконец это свершилось. По костяному лезвию побежала золотая искра, сорвавшаяся стремительным потоком духовной энергии. Воздух с резким свистом рассекся.

Духовный импульс, подобно бросившемуся на добычу зверю, устремился вперед и ударил точно в высившуюся впереди глыбу.

Раздался оглушительный грохот. В самом центре камня зияла сквозная дыра величиной с кулак.

Е Хуай ошеломленно воззрился на свои ладони. В его глазах вспыхнул восторг. Он тут же обернулся, отыскивая взглядом Цзян Ту. Всем его видом читалась немая мольба: «Похвали меня, ну же, похвали!»

Цзян Ту едва заметно улыбнулся. Он не ошибся в своем выборе: Е Хуай действительно обладал исключительным талантом к искусству меча.

Прошло всего шесть дней — мальчик справился на сутки раньше назначенного срока.

Но не успел Цзян Ту вымолвить и слова, как ветерок донес из чащи слабый, едва уловимый запах крови.

Цзян Ту вскинул руку, указывая двумя пальцами в сторону зарослей. Поток его силы устремился вперед, мгновенно раздавив и рассеяв струйку дыхания скверны, собиравшуюся ускользнуть. В то же мгновение он заслонил Е Хуая своим телом.

Там, среди поверженных ударом Е Хуая стволов, из расщепленного дерева вывалилось испятнанное тленом мёртвое тело.

На его щеке виднелся уродливый, глубокий шрам.

— Шэнь Синь. Вступил в орден Прихода и Ухода в возрасте семи лет, в девятнадцать был принят во внутренний круг, став учеником господина Цю. Пропал несколько дней назад, когда рухнул барьер Небесной реки... А теперь его нашли мёртвым в лесу.

На лице Чэн Жана отразилось глубокое сострадание:

— Я понимал, что он, скорее всего, погиб, но не думал, что его тело будет брошено гнить под открытым небом... прямо у нас под носом.

Труп скрыли сильным маскирующим заклинанием. Если бы не случайное попадание Е Хуая, его бы, пожалуй, никогда не отыскали.

Цзян Ту молча стоял поодаль. Обнаружив мертвеца, он сразу отправил весть Чэн Жану, а сам остался на страже, дабы избежать ненужных осложнений.

Во-первых, нельзя было допустить, чтобы страшную находку заметил кто-то посторонний. Во-вторых, от тела отчетливо веяло дыханием скверны, хотя погиб заклинатель явно не от когтей призрачного зверя.

Тёмное дыхание скверны проникло в его море сознания и поглотило первозданный дух. Иными словами, самого Шэнь Синя стерли из этого мира, оставив лишь пустую оболочку.

Тварям подобное не под силу — на такое способен лишь тот, кто подчинил себе дыхание скверны и научился им управлять.

— Похоже, убийца с самого начала скрывался среди адептов ордена Прихода и Ухода, — покачал головой Цзян Ту. — Глава ордена, вы ведь помните, что сказал Шаофу перед тем, как окончательно переродиться?

При упоминании Чэн Се лицо Чэн Жана исказилось от боли; рана в его сердце была еще слишком свежа:

— Вы имеете в виду... Владыку демонов?

— Именно. Смерть Шаофу таит в себе слишком много загадок, и мне вряд ли нужно указывать вам на них. Пора взглянуть правде в глаза, глава Чэн.

Эти суровые, прямолинейные слова заставили Чэн Жана стыдливо опустить взор.

Он изо всех сил пытался закрывать глаза на предательство брата, но глупцом Чэн Жан не был — иначе никогда не возглавил бы орден в Среднем царстве.

Откуда у Чэн Се взялось столько дыхания скверны? Как он сумел за какие-то сутки обрести мощь, способную расколоть барьер Небесной реки?

Этот вопрос Цзян Ту мог бы и не задавать, но самому Чэн Жану бежать от ответов было нельзя — даже если поиски истины грозили низвергнуть его в бездну, откуда нет возврата.

— Думаю, Е Хуай уже рассказал вам... — начал было Цзян Ту.

Е Хуай, до сих пор тихо стоявший рядом, испуганно дернул наставника за широкий рукав и прошептал:

— Н-нет... я не рассказывал...

Цзян Ту на миг опешил, а затем, кашлянув, слегка прижал ладонь к макушке Е Хуая, заставляя того опустить голову:

— Прошу прощения. Мальчик у меня пуглив.

Этот двенадцатилетний «ребенок», укрывшись под его ладонью, пока взрослые разговаривали, украдкой и очень нежно потерся макушкой о ладонь Цзян Ту, словно ласковый щенок.

Цзян Ту коротко поведал Чэн Жану о стычке с загадочным человеком в черном балахоне и подытожил:

— Перед тем как сбежать, он получил от меня удар плетью.

Чэн Жан перевел потрясенный взгляд на щеку покойного Шэнь Синя:

— Хотите сказать...

Цзян Ту медленно, подтверждающе кивнул.

— Но Шэнь Синь находился лишь на начальном этапе второй ступени! Он физически не мог противостоять вам... — Чэн Жан внезапно умолк, осекшись на полуслове. Его осенила страшная догадка.

— Верно, — Цзян Ту отвел взгляд. — Со мной сражался не Шэнь Синь. В его теле находилась чужая душа, совершившая насильственное переселение.

Неизвестный хладнокровно прибрал к рукам чужую плоть, наделил силой Чэн Се, приказал разрушить барьер Небесной реки и заманил Е Хуая в ловушку с помощью переносящего массива. И ради чего?

Ради кости Циляня?

Цзян Ту очень в этом сомневался.

Обладай враг истинным могуществом, лишить Е Хуая кости Циляня он мог бы в одно мгновение. Того времени, пока Чэн Се удерживал Цзян Ту, хватило бы с избытком, чтобы проделать это сотню раз.

Однако истерзанный мальчик лежал в луже собственной крови, израненный и едва живой. Это походило не на кражу сокровища, а скорее... на изощренную, медленную пытку. На казнь тысячи порезов.

Цзян Ту прекрасно знал, насколько дик и пуглив этот волчонок. Он физически не успел бы нажить себе столь могущественных врагов.

Какая же ненависть двигала мучителем?

Взгляд Цзян Ту опасно потемнел.

Что бы ни крылось за этим преступлением, тот, кто посмел поднять руку на его подопечного, должен быть готов пройти через все круги преисподней до единого.

Когда тело Шэнь Синя забрали подросшие ученики внешнего круга, Цзян Ту спросил:

— Гора Просветленного Сердца не чинила вам препятствий, глава Чэн?

Насколько ему было известно, верхушка Горы Просветленного Сердца проигнорировала мольбы о помощи. Они сообразовали явиться лишь на следующий день после того, как барьер Небесной реки общими усилиями восстановили. Да и прислали всего нескольких безвестных адептов внешнего круга, которые наскоро укрепили защиту и тут же отбыли во вторую обитель.

Великому ордену, почитаемому как оплот праведности во всем Среднем царстве, не пристало вести себя подобным образом.

Скорее всего, старейшины Горы Просветленного Сердца решили, что орден Прихода и Ухода утаил кость Циляня. Разве смеет безвестный мелкий клан зариться на сокровище и не подносить его на блюдечке великим покровителям? Своим демонстративным равнодушием они

просто хотели поставить на место и сам орден, и его главу.

Однако за грязные игры сильных мира сего пришлось расплачиваться невинным жителям уезда Наньту.

Будучи лишенным привычных человеческих чувств, Цзян Ту не испытывал праведного гнева или глубокой скорби, но вся эта суeta казалась ему верхом глупости и фарса.

И зачем Е Хуаю уничтожать этот мир? Пройдет еще пара лет, и эти праведники сами прекрасно друг друга перережут.

Чэн Жан сокрушенно вздохнул:

— Гора Просветленного Сердца всегда вела себя высокомерно. Особенно Ци Чжао — этот мальчишка из главной ветви клана Ци привык смотреть на всех свысока. Впрочем, в этот раз он держал язык за зубами. Ему лишь поручили сопровождать господина Сиу во время его визита в Нижнее царство.

Перед мысленным взором Цзян Ту вновь предстал загадочный и проницательный взгляд верховного жреца.

— Зачем же прибыл Сиу? — как бы между прочим поинтересовался он.

Чэн Жан и не подозревал об их краткой встрече у порога дворца:

— Осмотрел барьер Небесной реки, и только. Старик на редкость неразговорчив — посидел немного и отбыл. Но...

— Что «но»?

Чэн Жан пожал плечами:

— Сиу почти никогда не покидает Обитель Куньлунь. А тут мало того что самолично спустился в смертный мир, так еще и явился во плоти, а не прислал марионетку. Поистине странно.

Цзян Ту сохранил бесстрастное выражение лица, не выдав своего удивления.

За разговором они незаметно дошли до бамбуковой хижины. Чэн Жан почтительно сложил ладони:

— Послезавтра состоится обряд посвящения в ученики. Ждем вас, старейшина Цзян.

Цзян Ту ответил на вежливый жест:

— Буду непременно.

Спустя два дня.

Как и обещал глава ордена, торжество устроили с небывалым размахом.

Молодые послушники, удостоившиеся чести войти во внутренний круг, взбудораженно перешептывались, гадая, чьими учениками им суждено стать. Они наперебой обсуждали, у какого старейшины нрав помягче, а у кого духовные силы покрепче, и лица их светились робкой надеждой и предвкушением.

— По мне, так лучше всех господин Цю! — горячо уверял один из юношей. — Он и силен невообразимо, и нравом добр. К тому же он старейший в ордене, сам глава Чэн выказывает ему глубокое почтение.

— А я бы хотел пойти в ученики к старейшине Вэйсюэ, — мечтательно отозвался другой. — Из женщин-заклинательниц мало кто выбирает саблю, но её мастерство безупречно. Помню, когда я еще числился во внешнем круге, мне довелось увидеть её тренировку — это было воистину завораживающее зрелище!

— Берите выше! Вдруг кого-то из нас выберет сам глава ордена? Его Сабля Вступления в Сражение не знает равных в ордене Прихода и Ухода!

— Тсс, старейшины идут! Помолчите!

Юноши притихли и принялись взволнованно вытягивать шеи, устремляя любопытные взоры к почетным местам.

Вдруг кто-то удивленно прошептал:

— Постойте... А это кто? Что-то я не помню такого старейшины.

— Кажется, это старейшина Цзян Ту. Тот самый, что прибыл вместе с главой Чэном во время испытаний.

— Так вот он какой... О нем ходит много слухов. Говорят, глава Чэн возлагает на него большие надежды.

Эти пересуды до единого слова долетали до ушей Е Хуая.

Ныне, когда духовная энергия в мире неуклонно угасала, пробиться во внутренний круг Среднего царства стоило огромных трудов. Самым юным из новобранцев едва исполнилось пятнадцать, большинству же было около двадцати лет.

Маленький Е Хуай из-за своего невысокого роста оказался зажат в толпе. Как он ни тянулся, разглядеть наставника за чужими плечами не удавалось, и ему оставалось лишь слушать, как незнакомцы наперебой обсуждают его учителя.

— Невероятно... Каков красавец! Сердце так и замирает...

Е Хуай гордо выпрямил спину. Еще бы! Его наставник прекрасен лицом и благороден душой, словно сошедшее с небес чистое божество.

— Не слишком ли он молод? Не взяли ли его просто для счета?.. Ой! Кто меня толкнул?!

Мальчик сердито сморщил нос, тайком ткнув болтуна локтем под ребра.

«Сам ты для счета! Мой учитель вас всех одним пальцем одолеет!» — сердито подумал он.

— Взгляните на его яшмовую подвеску! Она синяя... даже темнее, чем у господина Цю! А в самой середине золотой отлив? Неужели он на пике третьей ступени?!

— Невероятно, обрести такую силу в столь юном возрасте! Его ждет великое будущее. Ох, как бы мне хотелось стать его учеником...

— Ты же только что грезил о господине Цю! Даже не думай вставать у меня на пути, старейшина Цзян будет моим наставником!

— Мечтать не вредно, вряд ли он выберет такого, как ты. Я подхожу куда лучше!

В душе Е Хуая поднялась волна ревнивой тревоги. Он походил на маленького дикого пса, защищающего свою добычу:

«Учитель только мой! Я ни с кем не стану им делиться!»

Однако... чтобы восполнить нехватку людей, старейшины ордена Прихода и Ухода обычно набирали себе десятки учеников.

Действительно ли Цзян Ту, согласившийся остаться здесь лишь ради него, откажет всем

прочим и назовет своим единственным учеником только его одного?

Не станет ли собственническая эгоистичность Е Хуая обузой для его наставника?

Прижав к себе костяной меч, мальчик понурил голову. Он заставлял себя смириться и умерить собственнические порывы. Даже если у учителя появятся другие последователи, у него, Е Хуая, останется нечто особенное — ведь его имя наставник выбрал сам...

— Поговаривают, старейшина Цзян очень образован. Наверняка он подберет для своих учеников прекрасные вторые имена...

Е Хуай замер, словно пораженный громом. Пальцы сильнее сжали ножны. С трудом сглотнув обиду, он попытался найти другое утешение:

«Зато этот костяной меч принадлежит мне одному. Ни у кого больше такого нет...»

— Да и до обретения собственного духовного оружия ученики обычно пользуются тем, что преподнес им наставник. Это ведь почти то же самое, что постоянно держать старейшину Цзян за руку... Как волнующе...

На глаза мальчика навернулись слезы. Но сквозь влажную пелену проступил опасный, почти звериный блеск.

В ордене полно других старейшин! Зачем этим наглым чужакам зариться именно на его единственного наставника?!

Слишком юный, чтобы совладать с ураганом бушующих в груди эмоций, Е Хуай не заметил, как из глубины его существа вырвалась едва различимая струйка темной, удушливой злобы.

Вдруг раздался едва слышный щелчок. Кончик его носа обожгло, словно отскочившей от костра искрой.

Е Хуай потер нос и огляделся вокруг. Оказалось, пока он предавался мрачным мыслям, время ушло вперед. Толпа поредела — послушники уже разошлись и плотными кольцами окружили столы старейшин.

«Уже началось?» — испугался мальчик.

Сердце испуганно забилося. Он принялся лихорадочно высматривать среди присутствующих алые одежды, боясь увидеть рядом с Цзян Ту толпу чужих учеников.

Цзян Ту сидел на возвышении в самом центре. Спина его была прямой, как у занесенной снегом сосны, а на бледных пальцах поблескивали искры алой духовной силы.

Е Хуай вновь коснулся своего носа. Теплое покалывание очень напоминало мягкое прикосновение магии наставника.

И тут он заметил странную картину. Вокруг других старейшин царила суета, но подле Цзян Ту не было ни единой души. словно посреди густого леса внезапно образовалась чистая, нетронутая поляна.

Впрочем, поодаль кучковались несколько десятков молодых заклинателей. Они бросали на старейшину полные надежды взгляды, готовые по первому его кивку рухнуть на колени и совершить земной поклон.

Не обращая внимания на нерешительность толпы, Цзян Ту невозмутимо погасил искры на пальцах.

Ему было безразлично чужое мнение, ведь взор его искал лишь одного человека. И вспышку темной злобы, на миг окутавшую Е Хуая, он заметил сразу.

Подобное уже случалось в деревне Множества Благословений.

Слегка нахмурившись, Цзян Ту мысленно пожурил подопечного за излишнюю подозрительность и щелчком магии привел его в чувство.

Заметив, что мальчик наконец очнулся, он поманил его рукой:

— Чего стоишь? Иди сюда.

Голос молчавшего доселе старейшины Цзян заставил притихшую толпу возбужденно зашептаться.

— Какой у него чистый голос... Точно весенний ручей.

— Кого это он зовет? Кому же так повезло?

— Настоящий баловень судьбы...

Е Хуай, расталкивая локтями стоящих впереди, поспешил к возвышению.

Пристальное внимание толпы всегда пугало его, заставляя инстинктивно ждать удара в спину.

Но сейчас, глядя лишь на Цзян Ту, он воспринимал чужую зависть как заслуженную награду. Шаги его сделались увереннее.

Чтобы не посрамить наставника перед лицом всего ордена, Е Хуай заранее подглядел, как кланяются другие ученики, и в точности запомнил каждое движение.

Подойдя к сиденью Цзян Ту, мальчик чинно опустился на колени, сложил ладони вместе и склонил голову.

— Погодите, это же тот самый заморыш, которого старейшина Цзян привел с собой? У него ведь едва теплится духовная сила! Как его могли принять во внутренний круг?

— Обычное кумовство, ничего больше...

—...

Едва слышный шепоток больно ранил его самолюбие. Е Хуай упрямо закусил губу, вытянул вперед руки и совершил глубокий, до самой земли, поклон:

— Прошу почтенного наставника принять обет преданности вашего ученика.

— Е Хуай, — Цзян Ту поднялся, возвышаясь над стоящим на коленях мальчиком. Голос его звучал ровно и торжественно. — Отныне наши пути нераздельны. Помни: долг заклинателя — защищать слабых и свято чтить Небесный путь.

Цзян Ту протянул руку. Мальчик порывисто вложил свои ладони в его ладонь.

В этот миг, словно отвечая на невысказанную клятву, над площадью пронесся резкий порыв ветра. Окрестные кроны шумно всколыхнулись, осыпав присутствующих дождем увядающей листвы. Один из сорванных листков плавно опустился на плечо Цзян Ту.

Цзян Ту едва заметно улыбнулся:

— Пожалуй... вторым твоим именем станет Фэнчжуй. Согласен?

Е Хуай поспешно закивал, сияя от счастья:

— Благодарю, учитель! Я сохраню это имя в самом сердце!

С последним словом ритуал завершился.

Пальцы Е Хуая окутало мягкое, ласкающее тепло. Потоки чистейшей энергии, лишенной чьей-либо личной печати, но преисполненной величия бескрайних небес и незыблемости земли, надежно скрепили их союз.

Небесный путь принял их клятву, и сама вселенная стала ей свидетелем.

— Ваш ученик клянется до последнего вздоха следовать за вами, учитель!

<http://bllate.org/book/19047/1986492>